

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕМЦА

СЕБАСТЬЯН ХАФНЕР

GESCHICHTE EINES DEUTSCHEN

ЧАСТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК
ПРОТИВ
ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО
РЕЙХА

Себастьян Хафнер

История одного немца.

Частный человек против тысячелетнего рейха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64804626

История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха:

Издательство Ивана Лимбаха; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-89059-326-9

Аннотация

Воспоминания немецкого журналиста и историка Себастьяна Хафнера (1907–1999), написанные в эмиграции в 1939 году, охватывают период с 1914 по 1933 год. Автор пытается ответить на вопрос, как события этого десятилетия подготовили немцев к принятию власти нацистов, как создавалась и удобрялась многослойная социально-политическая почва, на которой был возведен третий рейх.

Содержание

Пролог	6
1	6
2	10
3	15
4	26
5	31
6	43
7	54
8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Себастьян Хафнер

История одного немца.

Частный человек против тысячелетнего рейха

*Deutschland ist nichts, aber jeder einzelne
Deutsche ist viel¹².*

Гёте (1808)

*Zunächst das Wichtigste: was tun und treiben
Sie eigentlich in dieser großen Zeit?
Ich sage: groß: denn alle Zeiten scheinen
mir groß, wo sich der Einzelne zuletzt,
auf gar nichts stehend als auf seinen Beinen,
dazu vom Zehengeist halbtotgehetzt,
besinnen muß, ob nolens oder volens,
auf nichts Geringeres als eben SICH!
Die Pause eines bloßen Atemholens
genügt bisweilen – Sie verstehen mich³⁴.*

Петер Ган (1935)

Sebastian Haffner
Geschichte Eines Deutschen
Deutsche Verlags-Anstalt
Stuttgart & München
2000

Перевод с немецкого Никиты Елисеева под редакцией Галины Снежинской

Перевод этой книги осуществлен при поддержке Гёте-Института

Перевод выполнен по изданию: Haffner S. *Geschichte eines Deutschen. Die Erinnerungen 1914–1933*. Stuttgart/München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2000

© 2000 by Sarah Haffner und Oliver Pretzel

© 2000 by Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart/München, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

© Н. Л. Елисеев, перевод, комментарии, послесловие, 2016

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2016

© Издательство Ивана Лимбаха, 2018

Пролог

1

История, которую я собираюсь рассказать здесь, – история своеобразной дуэли.

Это дуэль между двумя совсем не равными противниками: невероятно мощным, безжалостным государством и маленьким, безымянным, неизвестным частным человеком. Она разыгрывается не на поле брани, каким принято считать политику; частный человек отнюдь не политик, тем более не заговорщик и не «враг государства». Частный человек все время в обороне. Он ничего не хочет, кроме как сберечь то, что он считает своей личностью, своей собственной личной жизнью и своей личной честью. Все это постоянно подвергается невообразимо brutalным, хотя и довольно неуклюжим атакам со стороны государства, в котором частного человека угораздило жить и с которым ему поэтому приходится иметь дело.

Жесточайшими угрозами государство добивается от частного человека, чтобы он предал своих друзей, покинул свою любимую, отказался от своих убеждений и принял бы другие, предписанные сверху; чтобы здоровался не так, как он привык, ел бы и пил не то, что ему нравится; посвящал бы

свой досуг занятиям, которые ему отвратительны; позволял бы использовать себя, свою личность в авантюрах, которые он не приемлет; наконец, чтобы он отринул свое прошлое и свое «Я» и при всем этом выказывал бы неумный восторг и бесконечную благодарность.

Ничего этого частный человек не хочет. Он совсем не готов к нападению, жертвой которого он оказался. Он вовсе не прирожденный герой и уж тем более не прирожденный мученик. Он обыкновенный человек со многими слабостями, да к тому ж еще продукт опасной эпохи – но всего того, что навязывает ему государство, он не хочет. Вот поэтому он решается на дуэль – без какого бы то ни было воодушевления, скорее уж недоуменно пожимая плечами, но с тайной решимостью не сдаваться. Само собой, он много слабее своего противника, зато увертливей. Мы увидим, как он совершает отвлекающие маневры, уклоняется, внезапно делает выпад, как он увиливает и, в шаге от гибели, избегает тяжелых ударов. Надо заметить: самого себя он держит именно что за обычного человека без каких-либо героических или мученических черт. И все же в конце концов он бросает борьбу или, если угодно, переносит ее в другую плоскость.

Государство – это германский рейх, частный человек – я. Схватка между нами, наверное, заинтересует зрителей, ведь любое состязание интересно. (Я *надеюсь*, что заинтересует.) Но я рассказываю все это не только для развлечения. Другое, более важное намерение лежит у меня на сердце.

Моя личная дуэль с третьим рейхом далеко не единичное явление. Тысячи и сотни тысяч таких дуэлей, в которых частный человек пытается защитить свое «Я» и личную честь от атак сверхмощного, враждебного человеку государства, вот уже шесть лет разыгрываются в Германии – каждая в абсолютной изоляции, в полной неизвестности. Некоторые из дуэлянтов – они героичнее, жертвеннее меня – не отступили и оказались в концлагерях, в пыточных подвалах; им в будущем, несомненно, поставят памятники. Прочие, те, кто слабее меня, сдались много раньше, чем я уехал; сейчас они или недовольно ворчащие резервисты штурмовых отрядов, или уполномоченные нацистской партии в жилых кварталах. Мой случай как раз усредненный вариант между двумя этими крайностями. На нем хорошо видно, каковы шансы у человека и человечности в нынешней Германии.

Следует признать, что они довольно безнадежны. Но они не были бы так безнадежны, если бы этого захотел окружающий Германию мир. Я верю, что окружающий мир заинтересован в том, чтобы они были менее безнадежны. Будь у человека и человечности в Германии хоть сколько-нибудь шансов, удалось бы если не избежать войны (время уже упущено), то хотя бы задержать ее начало на несколько лет. Ибо немцы доброй воли, пытающиеся защитить свою личную свободу и свой частный, приватный мир, защищают, не подозревая о том, еще и нечто большее: мир и свободу всего мира.

Потому-то, мне кажется, следует привлечь внимание мира к этим событиям в не известной никому Германии.

В этой книге я хочу только рассказывать, а не проповедовать какую бы то ни было мораль. Однако здесь все же *есть* мораль, она – нема, словно «еще одна, более значительная тема», пронизывающая все «Энигма-вариации» Элгара⁵. Я не имел бы ничего против, если бы все мои приключения были забыты спустя некоторое время после чтения моей книги. Главное, чего я добиваюсь, – это чтобы не была забыта мораль моего рассказа.

⁵ Сэр Эдуард Уильям Элгар, 1-й баронет Бродхит (1857–1934) – британский композитор. По словам Элгара, сквозь все четырнадцать вариаций на главную тему «Энигма», давшую название его загадочному симфоническому произведению (1898–1899), «проходит, но не звучит еще одна, более значительная тема». Обнаружить ее так никому и не удалось.

Прежде чем тотальное государство, угрожая и требуя, подступило ко мне и показало, каково это – испытать на собственной шкуре большую историю, я уже пережил, прямо скажем, немало того, что называют «историческими событиями». Это могут сказать о себе все европейцы моего поколения, и, конечно, никто в большей мере, чем немцы.

Все эти исторические события, само собой, оставили следы: во мне столь же основательные, как и во всех моих соотечественниках; если не понять этого, то не удастся понять, как могло случиться все то, что за этими событиями последовало.

Однако между тем, что происходило до 1933 года, и тем, что произошло позже, есть серьезное различие: все бывшее до 1933 года проходило мимо нас или проносилось над нами; оно занимало и волновало нас всерьез, кому-то оно стоило жизни, кого-то разоряло, но никого не ставило перед последним выбором совести. Наша внутренняя жизнь оставалась нетронутой в своей глубине. Нарастивался жизненный опыт, приобретались те или иные убеждения: но человек оставался таким, каким был. Никто из тех, кто по своей воле или вопреки своему желанию попал в машину третьего рейха, не может сказать того же о самом себе.

Разумеется, разные исторические события имеют разную

степень интенсивности. Иное «историческое событие» может остаться совершенно незамеченным в подлинной действительности, то есть в личной, приватнейшей жизни простых людей, – тогда как другое не оставит от нее камня на камне. В нормальном описании исторического процесса различие между, скажем, двумя такими событиями едва ли ощутимо: 1890 год, Вильгельм II⁶ отправляет в отставку Бисмарка⁷. Само собой, огромная, жирно пропечатанная

⁶ Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, 1859–1941) – германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 год. Царствование Вильгельма было связано с превращением Германии в мощную промышленную и колониальную державу и завершилось Первой мировой войной и Ноябрьской революцией 1918 года. Во время революции Вильгельм II эмигрировал в Голландию, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Республиканское, а позднее нацистское правительство выплачивало ему пенсию как бывшему государственному деятелю. Вильгельм проводил активную внешнюю политику и резко изменил социальную политику Германской империи. В этом и были корни его разногласий с канцлером Германской империи Отто фон Бисмарком. Вильгельм отменил исключительный закон против социалистов, ставивший вне закона крупнейшую рабочую партию Германии. При нем германские социал-демократы стали одной из самых сильных фракций в рейхстаге. При нем мощно развивалось рабочее законодательство. Вильгельм заявлял: «Я хочу быть королем бедных». Это воспринималось Бисмарком как демагогия. Но главным образом Бисмарк был противником агрессивного, почти авантюристического внешнеполитического курса молодого императора. Более всего старый канцлер опасался войны, и прежде всего войны с Россией, к чему совершенно бестрепетно вел страну Вильгельм II. Все эти разногласия привели к тому, что в 1890 году канцлер Отто фон Бисмарк был отправлен в отставку.

⁷ Отто фон Бисмарк (Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен, 1815–1898) – германский политический и военный деятель. Первый канцлер и фактически создатель Германской империи под главенством Пруссии. Под его руко-

в немецкой истории дата. Но вряд ли это такая уж значимая дата в жизни любого немца, за исключением узкого круга людей, причастных к большой политике. Жизнь рядового человека шла так же, как она шла и прежде. Ничья семья не была разрушена, никакая дружба не распалась, никто не покинул свою родину. Ничего подобного не произошло. Не было отменено ни одно свидание, ни одно оперное представление. Кто был несчастливо влюблен, тот и остался несчастливо влюбленным, бедные остались бедными, богатые – богатыми... Сравните с этим другую дату: 1933 год, Гинденбург⁸ назначает Гитлера рейхсканцлером. Землетря-

водством Пруссия победила в войнах с Данией (1864), Австрией (1866), Францией (1870–1871). Бисмарку удалось объединить все немецкие земли. Причем он оставался верным слугой прусского короля, благодаря ему ставшего германским императором, и никогда не помышлял о том, чтобы самому стать диктатором. Конфликт между Бисмарком и Вильгельмом II важен для Хафнера, поэтому он и пишет о нем. Бисмарк для него – проводник консервативной прусской политики, тогда как Вильгельм – тот самый, от которого ведут начало нацистские интенции германской политики: социальная демагогия в соединении с авантюристической внешней политикой. Для парадоксалиста Хафнера важно то, что отставку Бисмарка он помещает в разряд неэпохальных исторических событий, между тем от этого неэпохального события тянутся корни к событию эпохальному, катастрофическому.

⁸ Пауль фон Гинденбург (Людвиг Ганс Антон Бенкендорф фон Гинденбург, 1847–1934) – немецкий военный и политический деятель. Командующий немецкими войсками на Восточном фронте во время Первой мировой войны (1914–1916), начальник генштаба (1916–1919). С его именем связаны блестящие победы немецкой армии на Восточном фронте под Гумбиненом и Танненбергом. В 1914 году он остановил продвижение русских войск в Восточной Пруссии. В 1919 году был вызван в рейхстаг на заседание комиссии, выяснявшей вину политиков и военных в развязывании войны и причины поражения. Гинденбург

сение, разразившееся в шестидесяти шести миллионах человеческих жизней!

Как уже было сказано, научно-прагматическая историография ничего не говорит о различии в интенсивности исторических событий. Кто хочет о нем узнать, должен читать биографии, причем не биографии государственных деятелей, но куда более редкие жизнеописания неизвестных, частных людей. И он увидит: одно историческое событие проплывает, как облако над озером, над приватной, частной, то есть по-настоящему реальной жизнью; ничегошеньки не колыхнется, разве что в неподвижной воде промелькнет отражение облака. Другое событие налетает грозой, поднимает

категорически отказался признать какую бы то ни было вину немецких правящих кругов в развязывании войны. Что же до поражения, то Гинденбург утверждал, что немецкая армия весной 1918 года была, как никогда, близка к победе и только предательство немецкого общества явилось причиной поражения Германии. Речь Гинденбурга стала основой для появившегося в Германии мифа об «ударе кинжалом в спину» («Dolchstoß»). В 1925 году Гинденбург был выбран рейхспрезидентом. Люди, голосовавшие за него, рассчитывали на то, что консервативный, патриотический политик, прусский аристократ сможет противостоять как крайне правым экстремистам – нацистам, так и крайне левым – коммунистам, но в 1933 году Гинденбург назначил рейхсканцлером Гитлера, чем предопределил путь Германии в нацистскую диктатуру. С 1933 года Гинденбург стал фактически ширмой для захвата нацистами власти. После его смерти Гитлер отменил должность рейхспрезидента и остался единоличным диктатором. Хафнер рифмует ситуации. Незаметное для большинства событие – отставка Бисмарка приводит спустя много лет к катастрофическому событию: Гинденбург назначает Гитлера рейхсканцлером. Причем рифмовка сделана безукоризненно. В отставку отправляют верного прусского служаку, чтобы спустя много лет другой прусский верный служака привел к власти безответственного авантюриста.

страшную бурю, так что озера потом не узнать. Есть и третий тип «исторических событий», они (если продолжать метафору), по всей вероятности, высушивают любые озера до последней капли.

Думаю, что историю воспринимают неверно, если забывают именно это измерение исторических событий (а его-то как раз чаще всего и забывают). Поэтому да будет мне позволено, с моей точки зрения, рассказать о двадцати годах немецкой истории, прежде чем я перейду к заявленной мною теме: история Германии как часть моей собственной, личной истории. Этот рассказ будет недолгим, но он облегчит понимание всего последующего. Кроме того, читатель лучше со мной познакомится.

Начало прошлой мировой войны, которое, подобно барабанному грохоту, разом пробудило мою сознательную жизнь, застало меня, как и большинство европейцев, на летних каникулах. А лучше прямо сказать: загубленные каникулы – это и было самое жестокое испытание, которое мне лично принесла война.

С какой милостивой внезапностью разразилась прошлая война, если сравнить с мучительно медленным приближением той, которая неотвратно надвигается теперь! Первого августа 1914 года наша семья чуть было не решила не принимать все всерьез и продолжать летний отдых. Мы жили тогда в одном имении в Нижней Померании⁹, весьма далеко от цивилизации, затерянном среди лесов, которые я, маленький школьник, знал и любил больше всего на свете. Возвращение в середине августа из этих лесов в город было для меня печальнейшим, непереносимейшим событием года, сравнимым разве что с разоблачением и сожжением новогодней елки после праздника. Первого августа оставалось еще две недели до отъезда в город – целая вечность.

⁹ Померания – бывшая прусская провинция на побережье Балтийского моря. После Первой мировой войны большая часть Померании отошла Польше. Была вновь захвачена Германией в 1939 году. После Второй мировой войны – польская территория.

В предыдущие дни, конечно, приходили тревожные известия. В газетах появилось нечто новое, чего еще никогда не было: жирные заголовки через все полосы. Отец читал газеты дольше, чем обычно, делался весьма озабоченным, а дочитав, принимался бранить австрийцев. Однажды появился жирный заголовок на всю первую полосу: «ВОЙНА!» Я постоянно слышал незнакомые, новые слова, и взрослым приходилось объяснять мне, что такое «ультиматум», «мобилизация», «альянс», «Антанта». Живший вместе с нами в имении майор, отец двух девочек, с которыми я то враждовал, то был на дружеской ноге, получил «повестку» (еще одно новое слово) и поспешно уехал в город. Еще был призван один из сыновей нашего трактирщика. Все мы бежали за его охотничьей коляской, когда он ехал на станцию, и кричали: «Не трусь!», «Возвращайся целым и невредимым!». Кто-то крикнул: «Задай там сербам!» – после чего я, вспомнив все, что говорил мой отец, читая газеты, заорал: «И австрийцам!»¹⁰ –

¹⁰ Война началась из-за предъявленного Австрией Сербии ультиматума после убийства сербским националистом Гаврилой Принципом австрийского наследника престола Франца-Фердинанда в Сараево. В ответ на этот ультиматум Россия объявила всеобщую мобилизацию. Германия, связанная союзническими обязательствами с Австрией, объявила войну России. Франция, будучи союзником России, объявила войну Германии. Германия, нарушив нейтралитет Бельгии, через ее территорию вторглась во Францию. Союзница Франции Англия объявила войну Германии. Отец Хафнера (тогда еще Претцеля) считает Австрию формальной и фактической зачинщицей войны. К тому же, будучи пожилым человеком, он помнит австро-прусскую войну (1866) и воспринимает Австрию как вражескую страну, всеми силами в свое время противившуюся объединению Германии под главенством Пруссии. Хафнер в тексте ведет довольно прихотливую

и очень удивился, когда мой возглас был встречен всеобщим смехом.

Но больше всего я был поражен, когда услышал, что из усадьбы заберут прекраснейших лошадей, Ганса и Вахтеля, потому что они, видите ли, – о какое количество объяснений, требующих своих объяснений! – были вписаны в «кавалерийский резерв». Я очень любил всех лошадей в имении, и то, что уводили самых красивых, было для меня жестоким ударом в сердце.

Но самым печальным было то, что вновь и вновь раздавалось слово «отъезд». «Наверное, уже завтра нам придется уехать». Для меня это звучало так, словно мне говорили: «Наверное, уже завтра нам придется умереть». Завтра! – вместо целой вечности двух недель каникул.

Тогда, разумеется, еще не было радио, а газеты в наши леса приходили с опозданием на сутки. Информации в этих газетах было гораздо меньше, чем в нынешних. Тогдашние

игру. В данном случае «устах младенца глаголет истина». Хафнер, как и его отец, полагал, что союз Германии с Австро-Венгрией против Англии, Франции и России – судьбоносное и роковое нарушение традиционной прусско-немецкой внешнеполитической традиции и встраивается в тот же ход к катастрофе, что и отставка Бисмарка. Союз Германии с Англией и Россией, по Хафнеру, не только уберег бы Европу от двух войн, но и инициировал бы постепенные либеральные реформы в двух феодальных монархиях, России и Германии. Однако эта «истина» имеет еще одну сторону, мрачно-ироническую. Гитлер – австриец. Уроженец Австрии, ставший германским националистом. Возглас семилетнего Раймунда Претцеля «Долой австрийцев!» находит отражение в поздних работах Хафнера, где он доказывает чуждость Гитлера прусской, германской традиции, его укорененность в иной культурно-политическую страте.

дипломаты были еще скрытнее современных... Потому-то и получилось, что именно 1 августа 1914 года мы заключили, что никакой войны не будет, а значит, мы можем спокойно оставаться в деревне.

Я никогда не забуду 1 августа 1914 года, и на всю жизнь воспоминания об этом дне у меня будут связаны с чувством глубокой успокоенности, исчезнувшего напряжения, с удивительным, сладостным ощущением: «Все будет хорошо!» Таким вот странным образом можно быть причастным к истории.

Это была суббота, со всем тем мирным очарованием, какое присуще субботнему вечеру за городом. Работы закончились, в воздухе разносились звуки возвращающегося домой стада; покой и тишина царили над поместьем, парни и девушки в деревне прихорашивались перед танцами. В хозяйском доме, внизу в холле с оленьими рогами на стенах, фаянсовыми тарелками и начищенной оловянной посудой в буфете, в этом холле я обнаружил своего отца и владельца имения. Они сидели в уютных, глубоких креслах и оживленно беседовали. Само собой, я многого не понял, да и позабыл, о чем они говорили. Но зато я не забыл, как спокойно и умиротворенно звучали их голоса, высокий тенор отца и мощный бас владельца имения. Я не забыл, как важно и солидно поднимался вверх сигарный дым; и главное свое впечатление я не забыл: чем больше они говорили, тем все становилось яснее и понятнее, лучше и утешительнее. У меня

не осталось сомнений: война просто *не может* начаться, и, значит, мы не помчимся сломя голову в город, а до конца каникул останемся здесь, как обычно.

Послушав ровно столько, чтобы прийти к такой вот уверенности, я вышел во двор, и сердце мое было переполнено освобожденностью, довольством и благодарностью. С почти набожным чувством я смотрел на солнце, садившееся за лесами, которые снова были моей собственностью. День был пасмурный, но к вечеру внезапно все снова просветлело, и солнце плыло, золотое и красное, в чистейшей лазури, обещая завтра новый безоблачный день. Так же безоблачна, я был в этом уверен, вся бесконечность 14 каникулярных дней, которая вновь лежала передо мной!

Когда меня разбудили на следующий день, подготовка к отъезду шла уже полным ходом. Поначалу я вообще не понимал, что происходит; слово «мобилизация» не говорило мне ровно ничего, хотя пару дней тому назад мне и пытались объяснить его значение. Однако теперь у взрослых не было времени что-нибудь мне объяснять. К полудню мы уже должны были выехать со всем своим скарбом – было сомнительно, что позже мы сможем сесть на какой-нибудь поезд. «Нынче на все про все ноль минут», – изрекла наша чрезвычайно старательная служанка. Смысл этого афоризма и до сего дня остается для меня туманным, но тогда-то было ясно, что началась дикая спешка; все занялись неотложными делами, и мне, благодаря этому, удалось незаметно удрать в лес – где

меня все ж таки отыскиали перед самым отъездом. Я сидел на пне, обхватив голову руками, плакал и не обращал никакого внимания на уговоры, мол, сейчас война и потому каждый должен идти на жертвы. Кое-как меня запихнули в коляску: пара буланых лошадок – отнюдь не Ганс и Вахтель, тех уже забрали, – натянули постромки, облако пыли заволокло пейзаж. Никогда больше я не видел лесов моего детства.

Это был первый и последний раз, когда я пережил некую часть войны в действительности, с естественной болью человека, у которого что-то отняли, что-то разрушили. Уже в дороге все стало по-другому, авантюرنее, интереснее – праздничнее. Поездка по железной дороге длилась не семь часов, как прежде, а двенадцать. Поезд часто останавливался; составы, переполненные солдатами, шли мимо нашего поезда, и каждый раз все мы с воинственными возгласами бросались к окнам и размахивали платками. У нас не было отдельного купе, как обычно, когда мы путешествовали. Всю дорогу мы или стояли в проходе, или сидели на своих чемоданах, зажатые в тесноте, среди людей, безостановочно болтавших и смеявшихся, как если бы они были не чужими друг другу, но старыми знакомыми. Больше всего говорили о шпионах. В ту поездку я впервые услышал об их опасной деятельности. Через все мосты мы ехали медленно-медленно, и каждый раз я испытывал приятный, возбуждающий страх: а вдруг шпион подложил под мост бомбу! В Берлин мы добрались к полуночи. Никогда еще я не ложился так поздно! Наша квар-

тира была совсем не готова к нашему приезду, мебель стояла в чехлах, кровати были не разобраны. Меня уложили на кушетке в пропахшем табачном кабинете отца. Никакого сомнения: война принесла и много радостного!

В ближайшие дни я за невероятно короткое время усвоил невероятно много нового. Семилетний мальчик, который недавно понятия не имел о том, что такое война, не говоря уж о таких вещах, как ультиматум и мобилизация, вскоре уже знал о войне (как если бы всегда знал) не только «что», «как» и «где», но даже и «почему»; знал, что в войне повинны французская жажда реванша, английская зависть и русское варварство, — теперь я с легкостью выговаривал все эти слова. В один прекрасный день я начал читать газеты и поразился тому, с какой легкостью все там понимаю. Мне дали карту Европы, и с первого взгляда на нее я понял, что «мы» запросто разделаемся с Францией и Англией, но испытал смутный ужас перед огромностью России, однако же позволил успокоить себя тем, что устрашающая многочисленность русских ничего не значит при их невероятной глупости, распущенности и беспробудном пьянстве. Я шпарил наизусть — причем, повторяю, с такой скоростью, будто всегда их знал, имена военачальников, данные о численности и вооружении армий, водоизмещении флотов, я помнил расположение важнейших крепостей, линии фронтов — и очень скоро понял, что здесь разворачивается интереснейшая игра, что жизнь стала куда ярче, напряженнее, волнительнее,

чем прежде. Мое воодушевление и мой интерес к этой игре не ослабли до горького ее завершения.

Здесь я хотел бы взять под защиту мою семью. Голову мне задурили отнюдь не там. Мой отец жестоко страдал с самого начала войны. Он весьма скептически смотрел на воодушевление первых недель; психоз ненависти, который за этим последовал, был ему глубоко отвратителен, притом что сам он, разумеется, был лоялен и патриотичен; и, конечно, желал победы Германии. Он принадлежал к тому немалому числу либералов в своем поколении, что в глубине души были уверены: войны между европейцами ушли в далекое прошлое. Он, если так можно выразиться, не мог ничего поделать с разразившейся войной и, подобно многим другим либералам, с презрением отвергал любую возможность самообмана на сей счет. Пару раз я слышал от него горькие, скептические слова, касавшиеся теперь не одних только австрийцев, – эти слова неприятно поражали меня, охваченного неподдельным военным воодушевлением. Нет, вовсе не отец и не семья были повинны в том, что в течение нескольких дней я сделался фанатичным шовинистом и «диванным стратегом».

В этом был повинен – воздух; безымянное, осязаемое всеми порами всеобщее настроение; водоворот массового единства, одаривавший каждого, кто в него бросался (буде это даже семилетний мальчик), неслыханными эмоциями; того же, кто оставался вне этой стремнины, душил вакуум одиночества. Охваченный наивной страстью, без тени какого-ли-

бо сомнения или конфликта, тогда я впервые ощутил воздействие странного дара моего народа – впадать в массовые психозы. (Этот дар, наверное, является компенсацией малой одаренности немцев в том, что касается индивидуального, личного счастья.) Мне не приходило в голову, что исключить себя из такого радостно-всеобщего беснования вообще возможно. Ни разу не мелькнула у меня мысль об опасности того, что делает тебя столь безоглядно счастливым и ежедневно дарит такое праздничное, блаженное состояние.

И впрямь для тогдашнего берлинского школьника война была чем-то глубоко нереальным: нереальным и, однако, существующим – будто игра. Ведь за все время войны не было ни одного авиационного налета, на Берлин не упало ни одной бомбы. На улицах появлялись раненые, но они были далеко и выглядели со своими белыми повязками прямо-таки шикарно. Конечно, у нас были на фронте близкие, конечно, то в одну семью, то в другую приходили похоронки, но ребенок на то и ребенок, чтобы легко привыкать к чьему-либо отсутствию; а то, что это отсутствие из временного становилось вечным, теперь уже не играло роли. Мало что значили и реальные неудобства, которые принесла война. Плохая еда – ну, понятное дело. Позднее – очень мало еды, грохочущие по школьному полу деревянные подошвы, перешитые костюмы, собирание обглоданных костей и вишневых косточек в школе, частые болезни. Но я должен признать, что все это не производило на меня такого уж сильного впечатления. Не

в том дело, что я переносил тяготы как «маленький герой». Об этом и речи не было. О еде я думал так же мало, как футбольный болельщик во время финального, решающего матча. Сводки с фронтов интересовали меня значительно больше, чем какое бы то ни было меню.

Сравнение с футбольным болельщиком может быть развито. В самом деле, я, ребенок, был тогда болельщиком войны. Сказать, что я стал жертвой яростной пропаганды, которая должна была в 1915–1918 годах подстегнуть ослабшее воодушевление первых месяцев войны, означало бы погрешить против истины – нет, настолько плохим я не был. Я столь же мало ненавидел французов, англичан и русских, сколь мало болельщик «Портсмута» «ненавидит» игроков «Вулверхэмптона». Естественно, я желал их проигрыша и поражения, но только потому, что их унижение и разгром стали бы обратной стороной победы и триумфа моей команды.

Для меня имела значение лишь завораживающая привлекательность военной игры, той, в которой число пленных, захваченные территории, завоеванные крепости и потопленные суда – все равно что голы в футболе или очки в поединках боксеров. Я не уставал вести таблицу подобных «голов» или «очков». Я был прилежным читателем военных сводок, данные которых «пересчитывал» согласно собственным, опять-таки довольно иррациональным, таинственным правилам. По этим правилам, например, десять русских во-

еннопленных равнялись одному французу или англичанину, а пятьдесят самолетов – одному броненосцу. Если бы печаталась статистика погибших, я, разумеется, не преминул бы подобным же образом «пересчитывать» павших, даже не догадываясь о том, как в действительности выглядит то, над чем я произвожу арифметические операции. То была темная, таинственная игра с нескончаемым порочным возбуждением, которое перечеркивало все, делало незначительной, попросту несуществующей действительную жизнь, одурманивало, наркотизировало, словно рулетка или курение опиума. Я и мои товарищи играли вот так всю войну, четыре долгих года, безнаказанно и беспрепятственно – и *эта* игра, а отнюдь не безобидная игра в «войнушку», которой мы баловались на улицах и во дворах, была тем, что оставило во всех нас свои опасные следы.

Наверное, если бы речь шла о единичном случае, не стоило бы подробно описывать, как, разумеется, неадекватно, реагировал на мировую войну ребенок. Однако то был вовсе не единичный случай. Так или примерно так в детстве или в ранней юности восприняло войну целое поколение немцев; и что особенно важно, именно это поколение готовит сейчас новую войну.

Оттого что эти люди были в ту пору детьми или подростками, их восприятие тогдашних событий не делается менее сильным и не перестает сказываться в дальнейшем – напротив! Душа масс и душа ребенка в своих реакциях очень похожи. Невозможно себе представить, насколько ребячески-ми по самой своей сути являются теории, которые способны поднять массы и повести их за собой. Для того чтобы стать движущей силой, большие, серьезные идеи должны опроститься буквально до детского уровня. Сложившееся в детстве, а затем в течение четырех лет вколачивавшееся в мозги совершенно фантастическое представление о войне может спустя два десятилетия превратиться в смертельно опасное мировоззрение большой политики.

Война как великая, вдохновенно-волнующая игра народов, способная одарить боле глубокими переживаниями и более сильными эмоциями, чем все, что может предложить

мирная жизнь, – таков был с 1914 по 1918 год ежедневный опыт целого поколения немецких школьников; это и стало основой позитивного образа нацизма. С этим связана неотразимая притягательность войны как игры: простота, активизация фантазии и желания действовать; отсюда же нетерпимость и жестокость по отношению к политическим противникам; впрочем, тех, кто не желает играть, считают даже не противниками – к ним относятся как к вредителям, срывающим интересное состязание. И наконец, из этого естественным образом вырастает враждебное отношение к любому соседнему государству: потому что любое из подобных государств воспринимается не как «сосед», но как враг *volens nolens* – ведь в противном случае игра вообще не состоится!

Очень многое позднее содействовало нацизму, а также модифицировало его сущность. Но здесь, в этом детском переживании, лежит его исток – именно не во фронтовом опыте немецкого солдата, а в переживании далекой войны немецким школьником. Фронтовое поколение в большинстве своем дало очень мало настоящих нацистов, да и сегодня плодит в основном «нытиков и маловеров», что объяснимо: тот, кто пережил войну в реальности, оценивает ее совсем по-другому, нежели тот, кто видел войну издали. (Есть и исключения: вечные солдаты, для них война со всеми ее ужасами осталась единственно возможной формой жизни – и вечные, потерпевшие жизненный крах неудачники, с пол-

ным восторгом воспринимающие ужасы и разрушения войны; этим, считают они, отмщено жизни, для которой сами они оказались недостаточно сильными. К первому типу принадлежит, наверное, Геринг¹¹, ко второму наверняка Гитлер.) Поколение настоящих нацистов – люди, родившиеся в десятилетие между 1900 и 1910 годом, воспринимавшие войну вне ее реальности, как большую, захватывающую игру.

Вне ее реальности? Мне могут возразить: а голод? Это правда, но я уже рассказывал, сколь мало мешал голод нашей игре. Наверное, он даже ей в чем-то способствовал. Сытые и хорошо одетые мало склонны к фантазиям... В любом случае один только голод не мог разочаровать нас в войне. Он, если можно так выразиться, нас закалял. В результате появилась привычка к недоеданию, неприхотливость, а также неизбалованность – одна из симпатичных черт моего поколения.

Мы рано научились обходиться минимумом жратвы. Большинство ныне живущих немцев трижды пережили нехватку продовольствия: первый раз в войну, второй раз во время гиперинфляции и в третий раз теперь под лозунгом

¹¹ Герман Вильгельм Геринг (1893–1946) – один из руководителей нацистской Германии и НСДАП. Министр без портфеля в первом правительстве, впоследствии министр авиации. Создатель и руководитель нацистской авиации. В годы Первой мировой войны летчик, удостоенный наградами за храбрость. Приговорен к смерти на Нюрнбергском процессе. Покончил с собой накануне казни.

«Пушки вместо масла»¹². В этом отношении немцы тренированы и готовы держать удар.

Мне всегда казалось сомнительным широко распространенное суждение, будто немцы проиграли войну из-за голода. Они голодали до 1918-го уже три года, и 1917-й в продовольственном отношении был куда хуже 1918-го. На мой взгляд, немцы прекратили воевать не потому, что голодали, а потому, что увидели: война проиграна и положение страны безнадежно. Точно так же ту мировую войну, которая неотвратимо приближается, немцы вряд ли остановят и скинут нацистов от одного только голода. Сегодня они полагают, что голод – это, так сказать, их нравственный долг; во всяком случае, он не так уж страшен. Немцы стали народом, который чуть ли не стесняется столь естественной потребности в питании, а нацисты используют тот факт, что они недодают народу еды, в качестве косвенного средства своей пропаганды.

Нацисты публично обвинили всех, кто «ругается», – мол,

¹² «Пушки вместо масла» – популярный в 1935–1936 годах лозунг, выдвинутый нацистом «номер три» Рудольфом Гессом в своей речи 11 октября 1936 года. Этот тезис активно развивали в своих речах и другие лидеры третьего рейха. Так, Геринг летом 1936 года в своих выступлениях перед народом спрашивал: «Что вы предпочтете – масло или пушки? <...> Пушки нас делают сильными, масло – всего лишь толстыми». Министр пропаганды Йозеф Геббельс 17 января 1936 года говорил: «Мы можем обойтись без масла, но <...> не можем обойтись без оружия. Стреляет не масло – стреляют пушки». Фраза-символ милитаристской политики государственной власти, озабоченной подготовкой к агрессии, а не благосостоянием народа.

это оттого, что у них нет масла и кофе. Правда, сейчас в Германии довольно много «ругающихся», но по большей части у «ругани» совершенно другие, как правило, куда более достойные причины. Эти «ругающиеся» стыдились бы высказывать недовольство скверным питанием. В Германии значительно меньше тех, кто недоволен продовольственным положением страны, чем можно заключить, читая нацистские газеты. Однако пишущие в этих газетах прекрасно понимают, что делают, утверждая обратное: ибо, если недовольному немцу сказать, что его недовольство вызвано низменным желанием набить брюхо, он тут же перестанет ворчать.

Но как было сказано выше, я считаю это одной из довольно симпатичных черт современных немцев.

В течение четырех военных лет я потерял ощущение мирной жизни, я забыл, какой может быть мирная жизнь. Мои тогдашние воспоминания о довоенном времени полностью поблекли. Я не представлял себе день без фронтовых сводок. Такой день лишил бы меня самого главного удовольствия. Что он мог предложить взамен? Мы шли в школу, нас учили писать и читать, позднее учили истории и латыни, мы играли с друзьями, гуляли со своими родителями, но разве это было подлинным содержанием жизни? Жизни придавало остроту, а каждому дню особую, свойственную только ему, краску то или иное событие на фронте; если шло мощное наступление и газеты помещали пятизначные цифры пленных солдат и список захваченных крепостей, с «огромным количеством стратегических материалов», это был праздник, дававший нескончаемую пищу фантазии; ты жил полной жизнью, как много позже, когда бывал счастливо влюблен. Если же «на Западном фронте» было «без перемен» или если начинался «планомерный, вызванный стратегическими соображениями отход на заранее подготовленные позиции», тогда вся жизнь блекла, игры со сверстниками теряли свою привлекательность, а уроки делались вдвойне скучными.

Каждый день я ходил к полицейскому участку за пару кварталов от нашего дома: там, на черной доске вывешива-

лись фронтовые сводки на несколько часов раньше, чем они появлялись в газетах. Узкий белый листок, усеянный танцующими заглавными буквами. Листок был то короче, то длиннее, а буквы танцевали по милости давно отслужившей свой срок копировальной машины. Мне приходилось вставать на цыпочки и задирать голову, чтобы разобрать напечатанное. Чем я и занимался изо дня в день, самоотверженно и упорно.

Как уже было сказано, я совершенно не представлял себе, какой должна быть послевоенная мирная жизнь, но у меня было четкое представление о том, что такое «окончательная победа». Окончательная победа, великий итог, сумма, неизбежно складывающаяся из множества частных побед, о которых я читал во фронтовых сводках, была для меня приблизительно тем же, чем для набожных христиан является Страшный суд и воскрешение мертвых, а для верующих евреев – пришествие Мессии. Окончательная победа была суммой всех побед, огромной сводкой, в которой цифры, говорящие о захваченных пленных, трофеях и площади завоеванных территорий, стали бы совершенно невыносимыми. А дальше я ничего не мог себе представить. Я ожидал окончательной победы с диким и одновременно боязливым нетерпением: то, что она однажды придет, было неизбежно. Но оставалось загадкой, что может предложить мне жизнь после победы.

Я и в самом деле ждал окончательной победы с июля по октябрь 1918-го, хотя мне хватило ума заметить, что фрон-

товые сводки делаются все мрачнее и мрачнее и что в победу я продолжаю верить вопреки здравому смыслу. И тем не менее... Разве Россия не разбита наголову? Разве «мы» не оккупировали Украину, где есть все необходимое для продолжения войны до победного конца? Разве «мы» всё еще не в самом сердце Франции, в нескольких переходах от Парижа?

В это время даже я не мог не заметить то, что очень многие, да почти все, смотрят на войну не так, как я, хотя первоначально мои взгляды совпадали с их взглядами — я и усвоил-то эти взгляды потому, что они были всеобщими! Куда как огорчительно было то, что как раз теперь пропал этот всеобщий интерес к войне, теперь, когда, казалось бы, достаточно сделать одно маленькое, но чрезвычайное усилие — и нынешние неутешительные фронтовые сводки, вроде «неудавшейся попытки прорыва» или «планомерного отхода на заранее подготовленные позиции», превратятся в самые что ни на есть безоблачные: «Прорыв на 30 километров в глубь территории противника!», «Вражеская система укреплений полностью разрушена!», «30 000 пленных!».

В лавке, где я стоял в очереди за искусственным медом и обезжиренным молоком — мама и служанка не могли везде поспеть, так что и мне приходилось стоять в очередях — женщины бросали грубые, отвратительные слова, полные непонимания великого смысла войны. Не всегда я слушал безмолвно. Иногда я бесстрашно поднимал свой еще довольно высокий детский голос, говоря о необходимости «терпения и

выдержки». Чаще всего женщины хохотали, изумлялись, но порой смущались и становились неуверенными и робкими. Я покидал место своего словесного поединка, победоносно размахивая четвертьлитровой бутылкой обезжиренного молока. Однако сводки с фронтов лучше от этого не становились.

А потом, уже в октябре, приблизилась революция. Она готовилась так же, как и война, исподволь – в воздухе эпохи вдруг стали роиться новые слова и понятия – и разразилась она, так же как война, совершенно внезапно. На этом сходство кончается. Война, что бы о ней ни говорилось, была чем-то цельным, единым; она была неким общим делом, весьма успешным, во всяком случае, на первых порах. О революции этого не скажешь.

Для всей дальнейшей немецкой истории роковым оказалось то, что первые дни войны, несмотря на все ужасные несчастья, которые она принесла, почти для всех немцев были незабываемым временем величайшего подъема и напряженнейшей, радостной жизни, тогда как революция 1918 года, принеся мир и свободу, почти для всех нас связана с мрачайшими воспоминаниями. Уже то, что война разразилась в разгар роскошного, жаркого лета, а революция началась в промозглом ноябрьском тумане, сделалось козырем для войны. Звучит забавно, но так оно и было. Очень скоро это почувствовали сами республиканцы; они не любили напоминаний о 9 ноября и даже не объявили этот день офици-

альным праздником. Нацисты, противопоставив август четырнадцатого ноября восемнадцатого, разыграли партию с хорошими картами на руках. Ноябрь восемнадцатого: война закончилась, к женщинам вернулись мужья, мужчины остались живы, и тем не менее дата эта странным образом не оставила в сердцах ничего радостного, праздничного, а только воспоминания о поражении, страхе, бессмысленной стрельбе, позоре, да еще и о плохой погоде.

Лично я почти не заметил революции. В субботней газете было напечатано отречение императора¹³. Прежде всего ме-

¹³ Отречение императора Вильгельма II произошло 9 ноября 1918 года. После подписания Брестского мира с Советской Россией императору и его генералам показалось, что самые тяжелые испытания остались позади. Однако они только начинались. Ленин переиграл германский генштаб. Деньги, полученные им от главнокомандующего германской армией Эриха Людендорфа после тайных переговоров, организованных с помощью финансиста и социал-демократа Парвуса, пошли на организацию революции в Германии. В телеграмме Людендорфа Вильгельму II осенью 1918 года говорилось о резком падении дисциплины в частях, особенно тех, что были переведены с Восточного фронта. Провал наступления на Западе это подтвердил. Начало революции в Германии положило восстание моряков в Киле, отказавшихся выйти в море. Следом поднялись рабочие и солдаты гарнизонных частей Мюнхена и Берлина. Ноябрьское восстание в Берлине и других городах Германии застало императора врасплох во время пребывания в штабе Императорской армии в Спа, в Бельгии. Переход флота на сторону повстанцев глубоко потряс Вильгельма. После начала Ноябрьской революции император не мог понять, стоит ли ему отречься от престола. На тот момент он был убежден, что даже если он оставит императорскую корону, то сумеет сохранить титул короля Пруссии. Нереальность этой идеи была подтверждена, когда ради сохранения хоть какой-нибудь власти в условиях полной анархии канцлер принц Максимилиан Баденский 9 ноября внезапно объявил об отречении Вильгельма от обоих престолов. Но спустя несколько часов принц сам был вынужден уйти в

ны удивило то, что отречение было напечатано таким мелким шрифтом. В войну я видел заголовки и покрупнее. На самом-то деле император еще не отрекся, когда мы прочитали об этом в газетах. Впрочем, он вскоре наверстал упущенное.

Поразительнее, чем заголовок «Отречение императора» было то, что уже в воскресенье газета «Tägliche Rundschau» («Ежедневное обозрение») стала называться «Rote Fahne» («Красное знамя»). Это учинили какие-то ре-

отставку, когда осознал, что реальный контроль над ситуацией может осуществлять только лидер немецких социал-демократов Фридрих Эберт. Вильгельм согласился на отречение только после того, как генерал Людендорф был смещен со своего поста. Его место занял Вильгельм Гренер, который информировал императора о том, что солдаты могли бы вернуться под контроль властей только под командованием Пауля фон Гинденбурга, но они будут определенно против того, чтобы вернуть Вильгельму трон. Монархия лишилась своей последней и самой надежной поддержки. И даже такой убежденный монархист, как Гинденбург, был вынужден советовать императору отказаться от короны. На следующий день бывший император пересек границу Нидерландов, где нашел себе приют в изгнании. После разработки и утверждения текста Версальского договора в начале 1919 года статья 227 прямо предусматривала выдачу Вильгельма II как главного военного преступника для осуждения его в нарушении мира и покоя в Европе. Но королева Вильгельмина отказалась выполнить требования союзников о выдаче бывшего немецкого императора. Сначала Вильгельм поселился в замке Амеронген (провинция Утрехт), затем 16 августа 1919 года приобрел небольшой замок рядом с Дорном. Именно этот замок и станет последним приютом Вильгельма. В этом доме Вильгельм освободил своих офицеров от обязанности исполнять данную ему когда-то присягу. Однако сам он никогда не отказывался от своего титула и все еще надеялся вернуться в Германию. Правительство Веймарской республики позволило экс-императору вывезти в Нидерланды двадцать три вагона мебели, а также двадцать семь различных контейнеров с вещами, в том числе автомобиль и лодку из Нового дворца в Потсдаме.

волюционно настроенные печатники. В остальном содержание газеты мало изменилось, и пару дней спустя она снова стала называться по-старому. Маленькая деталь, но весьма символическая для всей революции 1918 года.

А на другой день, в воскресенье, я впервые услышал выстрелы. За всю войну я не слышал ни одного выстрела. Но теперь, когда война подходила к концу, палить стали у нас в Берлине. Мы были в комнате с окнами, выходившими во двор, и слышали далекие, но четкие пулеметные очереди. У меня захватило дух. Кто-то из тогдашних знакомых разъяснил нам, чем отличаются очереди тяжелых пулеметов от очередей пулеметов легких. Стрельба доносилась со стороны дворца. Может быть, там оборонялся берлинский гарнизон? Может быть, у революции дела шли не так уж гладко?

Если у меня и были на этот счет хоть какие-то надежды – ведь я, естественно, как явствует из всего вышеизложенного, всем сердцем был против революции, – то на следующий день эти надежды рухнули. Вчерашняя пальба была довольно бессмысленна – разные революционные группы не смогли договориться о том, кому должны достаться Королевские конюшни¹⁴. Сопротивления революции не было никакого. По-

¹⁴ Королевские конюшни (Königliche Marstall) – комплекс дворцовых зданий, расположенных в Берлине неподалеку от дворца и рейхстага. В ходе ноябрьских боев был захвачен ударной силой революции – народной морской дивизией (Volksmarinedivision), подчиняющейся Совету рабочих и солдатских депутатов и коммунистическому союзу «Спартак», стремившимся к установлению в Германии советского строя. Моряки оттеснили от здания вооруженные части, под-

беда ее была несомненна.

С другой стороны, что все это означало? Праздничный беспорядок, толкотню, суматоху, приключения, пеструю, веселую анархию? Ничего подобного! В понедельник самый страшный из наших гимназических учителей, холерик и тиран, злобно вращая зрачками, объявил нам, что «здесь», а именно в школе, никакой революции нет, здесь царит прежний жесткий порядок. В знак подтверждения своего тезиса он вкатил порцию розог тем из нас, кто на перемене вздумал поиграть в революцию. Все мы, присутствовавшие при экзекуции, смутно почувствовали: это предвестие какого-то большого зла, что-то не так с этой революцией, если на следующий день после ее победы учитель лупит школьников за революционные игры. Ни черта из этой революции не получится. Да из нее и не получилось ни черта.

Между тем из нее получился конец войны. То, что революция означала конец войны, мне было ясно, как и любому немцу, причем конец войны без окончательной победы, поскольку необходимое для этой победы чрезвычайное усилие так и не было предпринято по непонятным (для меня) причинам. Я не имел ни малейшего представления о том, что такое конец войны без окончательной победы. Мне пришлось его пережить — лишь тогда я получил о нем представление.

чинявшиеся умеренным социал-демократам, сторонникам парламентской республики и постепенных социально-экономических реформ. Социал-демократам удалось отвоевать Королевские Конюшни только в январе 1919 года.

Война ведь разыгрывалась где-то далеко во Франции, в нереальном мире, и только сводки приходили оттуда, будто послания из потустороннего мира, поэтому конец войны тоже не был для меня чем-то обладающим собственной реальностью. В моем непосредственном, реальном окружении ничего не менялось. Все события разыгрывались в том иллюзорном мире великой игры, в котором я прожил четыре года... Конечно, этот мир значил для меня гораздо больше, чем мир реальный, действительный.

9 и 10 ноября еще появлялись фронтовые сводки, выдержанные в прежнем стиле: «Вражеские попытки прорыва отбиты», «Наши войска после мужественной обороны отошли на заранее подготовленные позиции». Но уже 11 ноября на черной доске моего полицейского участка не вывесили ни одной сводки. Доска зияла пустотой, и я с ужасом понял, что меня ждет — там, где я годами находил ежедневную пищу для ума и грез, вечно, всегда будет зиять черная пустота. Я двинулся дальше. Ведь должны же где-то найтись какие-то сообщения с театра военных действий.

В другом районе был свой полицейский участок. Наверное, там сейчас вывешивают сводки.

Но и там ничего не вывесили. Полиция тоже была заражена революцией, старый прядок оказался разрушен до основания. Я вконец растерялся и не знал, что теперь делать. Я брел по улицам под моросящим, холодным, ноябрьским дождем в поисках хоть каких-нибудь сообщений. Наконец я

пришел в совершенно незнакомый мне район.

Там-то я и набрел на небольшую кучку людей, собравшихся перед газетным киоском. Я подошел, протиснулся поближе и смог прочитать то, что все они читали молча, недоверчиво подняв брови. Это был утренний спецвыпуск газеты с заголовком «Перемирие подписано». Далее были перечислены условия перемирия, длиннющий список. Я читал их и буквально цепенел, понимая суть прочитанного.

С чем бы сравнить мои тогдашние впечатления, впечатления одиннадцатилетнего паренька, весь фантастический мир которого был разрушен? Сколько ищу, не могу подыскать этому чего-то равнозначного в нормальной, реальной жизни. Подобные сновидческие, кошмарные катастрофы возможны только в мире сна и кошмара. Допустим, некто в течение многих лет кладет большие суммы в банк, потом наконец требует выписку и узнает, что вместо огромного состояния у него неоплаченный, гигантский долг. Наверное, этот человек испытал бы нечто подобное тому, что испытал я в то ноябрьское утро 1918 года. Но такое возможно только во сне.

Условия перемирия излагались не успокаивающим языком последних фронтовых сводок. В них звучал безжалостный голос разгрома; раньше таким беспощадным тоном сообщалось о *вражеских* неудачах. То, что теперь это относилось к «нам» – и речь шла не о каком-то эпизоде, но об окончательном результате «наших» многочисленных побед, про-

сто не укладывалось у меня в голове.

Я вновь и вновь читал условия перемирия, запрокидывая голову, поднимаясь на цыпочки, — так, как все эти четыре года читал фронтовые сводки. Наконец я выбрался из толпы и пошел по улицам, сам не зная куда. Район, где я очутился в поисках фронтовых новостей, был мне совершенно незнаком, а теперь я забрел в совсем неведомые места; я шел по улицам, которых прежде никогда не видел. С неба сеялся промозглый ноябрьский дождик.

Как и эти незнакомые улицы, весь мир вставал передо мной чужим и угрюмым. Оказывается, у великой игры с такими захватывающими правилами, которые я так хорошо знал, были свои, тайные правила, о которых я не подозревал. Очевидно, что-то в этой игре было обманчивым, опасно-фальшивым. Где же тогда обретаются уверенность, спокойствие, вера и доверие, если мировая история столь коварна и сплошные победы приводят к бесповоротному поражению и если об истинных правилах происходящего умалчивают и они раскрываются лишь впоследствии в результате полного, всеобъемлющего разгрома. Я заглянул в бездну. Я почувствовал ужас жизни.

Сомневаюсь, что немецкое поражение повергло кого-нибудь в больший шок, чем одиннадцатилетнего подростка, который брел по незнакомым улицам под ноябрьским дождем, с горя не замечая куда. В особенности я не могу поверить в то, что скорбь ефрейтора Гитлера была глубже моей скор-

би. Приблизительно в эти же самые часы в Пасевалковском госпитале¹⁵ он даже не дослушал до конца известие о конце войны. Да, онотреагировал еще драматичнее, чем я: «Мне сделалось невозможно более оставаться там, — пишет он, — в глазах у меня потемнело, я на ощупь добрался до своей койки, бросился ничком и ткнулся пылающей головой в подушку». После этого он и решил сделаться политиком.

Станным образом, реакция Гитлера была даже более детски-упрямой, чем у меня, и не только во внешних проявлениях. Когда я сравниваю, какие выводы Гитлер и я сделали из общей боли: у одного — ярость, упрямая злость и решение стать политиком; у другого — сомнения в адекватности правил игры, в самой игре и зреющий ужас перед непредсказуемостью жизни, — когда я эти вещи сравниваю, то вывод, как ни крути, один: реакция одиннадцатилетнего подростка была куда более зрелой, чем реакция двадцатидевятилетнего мужчины.

Во всяком случае, с этого момента раз и навсегда стало ясно, что мне будет не по пути с гитлеровским рейхом.

¹⁵ Гитлер встретил конец войны в госпитале небольшого городка Пасевалк в Померании.

Но прежде чем перейти к описанию этого «не по пути», я попытаюсь рассказать о периоде революции 1918 года и немецкой республики.

Революция подействовала на меня и моих товарищей совершенно противоположным (по сравнению с войной) образом: война оставила нашу реальную, ежедневную жизнь до скуки неизменной, зато она дала нашей фантазии неисчерпаемый, богатейший материал. Революция же внесла очень много нового в повседневную действительность – и это новое было в достаточной мере пестрым и возбуждающим (о чем ниже), – но фантазия, воображение оказались революцией не задеты. Революция не смогла, в отличие от войны, предложить простой и вдохновляющий образ бытия, в котором можно было бы складно и понятно расположить все ее события. Все кризисы, стачки революции, все ее демонстрации, путчи, мятежи, вся ее беспомощная пальба по своим сбивали с толку, ибо были полны противоречий. Ни в один из моментов революции не было до конца ясно, ради чего, собственно, все это творится. Было невозможно не то что вдохновляться происходящим, а даже просто это происходящее понять.

Как мы знаем, революция 1918 года не была заранее продуманной и спланированной операцией. Она явилась побоч-

ным продуктом военного поражения. Руководство революцией отсутствовало почти полностью: народ почувствовал себя заведенным в тупик своими политическими и военными вождями и прогнал их, а не сверг. Ведь при первом же угрожающем жесте они все, начиная с кайзера, исчезли бесследно и бесшумно. Приблизительно так же в 1932–1933 годах бесследно и бесшумно исчезли вожди и руководители Веймарской республики. Немецкие политики, от крайне правых до крайне левых, плохо владеют самым важным искусством в жизни и в политике – искусством достойно терпеть поражение.

Власть валялась на улице. Среди тех, кто ее подобрал, было очень не много настоящих революционеров; да и те, что были, судя по дальнейшему развитию событий, имели весьма смутное представление о том, чего они, собственно говоря, хотят и как они собираются достичь своих смутно осознаваемых целей. (В конце концов, не только невезением, но и свидетельством полного отсутствия хоть какого-то политического дарования является то, что спустя полгода после революции их почти всех убили.)

Большинство новых властителей Германии были растерянными обывателями, они состарились и размякли, пока находились в лояльной оппозиции, их тяготила свалившаяся им в руки власть, и они трусливо прикидывали, как бы похорошему да поскорее от нее избавиться.

Наконец, среди них было немало откровенных саботаж-

ников, решивших «придержаться» революцию, попросту говоря, предать ее. Чудовищный Носке¹⁶ стал самым из них известным.

Тут пошла новая игра: настоящие революционеры устроили целый ряд плохо организованных, дилетантских путчей, а саботажники призвали к себе на помощь контрреволюцию, так называемый фрайкор, добровольческие корпуса¹⁷, кото-

¹⁶ Густав Носке (1868–1946) – немецкий социал-демократ. По профессии корзинщик. Депутат рейхстага. Участник Ноябрьской революции. Министр обороны немецкой республики. Смог привлечь на сторону умеренных социал-демократов монархически и националистически настроенных военных, объединившихся в так называемый фрайкор (Freikorps, добровольческие корпуса). С их помощью жестоко подавил коммунистическое восстание в январе 1919 года. Среди убитых без суда и следствия были и руководители союза «Спартак» Карл Либкнехт и Роза Люксембург. В своей речи в рейхстаге Густав Носке произнес ставшими крылатыми слова: «Кому-то нужно быть кровавой собакой. Я готов ей быть. Я не боюсь ответственности». В 1920 году Носке сделал попытку распустить фрайкор, результатом чего стал провалившийся путч генерала Каппа и отставка Носке. Во время нацизма Носке жил в Германии. Был арестован в 1944 году и отправлен в концлагерь Флоссенбург. В 1945 году переведен в берлинскую тюрьму гестапо. Освобожден советскими войсками.

¹⁷ Фрайкор – наименование целого ряда полувоенных националистических формирований, существовавших в Германии и Австрии на последнем этапе Наполеоновских войн. Одним из самых известных добровольческих корпусов времен Наполеоновских войн был Фрайкор Лютцова под руководством Адольфа фон Лютцова. Такие полки состояли из местных добровольцев, дезертиров противника и преступников. Во время Ноябрьской революции возникло несколько добровольческих организаций под названием «фрайкор»; многие из них позднее примкнули к нацистскому движению. В начале 1919 года отряды фрайкора под руководством военного министра Веймарской республики социал-демократа Густава Носке подавили выступления немецких коммунистов и крайне левых социал-демократов. Отряды фрайкора участвовали в разгроме Баварской совет-

рый, натянув форму правительственных, республиканских войск, в течение нескольких месяцев топил в крови неумелых революционеров. В этом спектакле при всем желании трудно было обнаружить что-нибудь вдохновляющее. Мы были мальчиками из буржуазии, нас только что грубо отрезвили, покончив с четырехлетним военно-патриотическим дурманом; само собой мы могли быть только против красных революционеров: против Карла Либкнехта¹⁸, Розы Люксембург¹⁹ и их «Спартака»²⁰, о которых мы смутно знали,

ской республики и подавлении трех восстаний польских инсургентов в Силезии (1919–1921). Балтийский фрайкор, состоявший из местных остзейских немцев и добровольцев из Германии, сражался в 1918–1919 годах за создание немецкого государства на территории Прибалтики под названием Балтийское герцогство. После роспуска фрайкора многие бывшие добровольцы стали активными участниками Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

¹⁸ Карл Либкнехт (1871–1919) – германский социал-демократ. Сын одного из основателей Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Вильгельма Либкнехта. Известный адвокат. Депутат рейхстага. Последовательный противник милитаризма. 2 декабря 1914 года в самый разгар войны Либкнехт один в социал-демократической фракции голосовал против военных кредитов. Во время демонстрации 1 мая 1916 года призвал к свержению правительства. Заключен в тюрьму на четыре года. Освобожден Ноябрьской революцией. Один из создателей «Союза Спартака», из которого впоследствии образовалась Коммунистическая партия Германии. Организатор январского коммунистического восстания в Берлине в 1919 году. Убит при аресте вместе с Розой Люксембург.

¹⁹ Роза Люксембург (1871–1919) – польский, немецкий социал-демократ. Один из основателей Социал-демократической партии Польши. После эмиграции в Германию – крайне левый немецкий социал-демократ. Участница Ноябрьской революции. В серии статей, посвященных Брестскому миру и разгону Учредительного собрания, резко отрицательно оценила как первое, так и второе. «Свобода – это всегда свобода для инакомыслящих», – ее афоризм. Арестована вме-

что они собираются «отнять у нас все», убить наших состоятельных родителей и вообще завести у нас ужасные «русские» порядки. Стало быть, мы поневоле были «за» Эберта²¹ и Носке, за добровольческие корпуса. Однако сколько-нибудь сочувствовать, симпатизировать им было совершенно невозможно. Слишком уж отвратительным был спектакль, который они устроили. Запах предательства, витавший над

сте с Либкнехтом офицерами фрайкора. Забита насмерть прикладами. Тело было сброшено в берлинский Ландсверканал.

²⁰ «Союз Спартака» («Spartakusbund») – марксистская организация в Германии начала XX века. Во время Первой мировой войны лидеры «Спартака» призывали к мировой пролетарской революции, которая свергнет мировой капитализм, империализм и милитаризм. С августа 1914 года «Союз Спартака» входил в СДПГ как оппозиционная группа «Интернационал», образованная по инициативе Розы Люксембург после того, как вся социал-демократическая фракция (за исключением Карла Либкнехта) проголосовала в рейхстаге за военные кредиты. С 1917 года «Спартак» – левое крыло отделившейся от СДПГ Независимой социал-демократической партии Германии. Ноябрьскую революцию 1918 года спартакисты встретили вне какой-либо партии и, выдвинув лозунг «Вся власть Советам!», добивались установления в Германии советской республики. 1 января 1919 года «Союз Спартака» вошел в Коммунистическую партию Германии.

²¹ Фридрих Эберт (1871–1925) – немецкий социал-демократ. По профессии портной. Руководитель СДПГ, депутат рейхстага. Убежденный сторонник конституционной монархии и ведения войны до победного конца. До последнего мгновения в ноябре 1918-го пытался сделать все, чтобы сохранить монархию. Один из разработчиков конституции Германской республики (Веймарской республики). Ее первый рейхсканцлер и первый демократически выбранный президент Германии. Подавил как коммунистические, так и крайне правые выступления. Годы его правления пришлись на годы тяжелейшего экономического кризиса, что всерьез подорвало авторитет и влияние социал-демократов. Умер в 1925 году от аппендицита. Его сын, Фридрих Эберт-младший, стал коммунистом и одним из создателей ГДР.

ними, был слишком силен. Эта вонь ощущалась даже носами десятилетних. (Еще раз подчеркну, что с точки зрения истории реакция детей на политические события очень важна: то, что «знает каждый ребенок», есть по большей части последняя, неопровержимая квинтэссенция политического события.) Было что-то чрезвычайно поганое в том, что брутальный и беспощадный фрайкор – мы не возражали бы, если б он вернул нам Гинденбурга и императора, – сражался за «правительство», то есть за Эберта и Шейдемана²², которые были совершенно откровенными предателями своего собственного дела.

Вдобавок события, которые теперь уже касались нас непосредственно, стали куда менее понятны, чем тогда, когда они разыгрывались в далекой Франции и сводки представляли их «в правильном свете». Теперь мы ежедневно слышали стрельбу, но не всегда понимали, что она означает.

То не было электричества, то не ходили трамваи, но было совершенно непонятно, ради кого, во имя чьих интересов – спартаковцев или правительства – мы жжем керосин или ходим пешком. Можно было подобрать листовку на улице с грозной надписью «Час возмездия близок!», долго-дол-

²² Филипп Генрих Шейдеман (1865–1939) – немецкий социал-демократ. По профессии печатник. Депутат рейхстага. Участник Ноябрьской революции. 9 ноября 1918 года он из окна рейхстага провозгласил падение монархии: «Все Старое и Ветхое – Монархия – пало. Да здравствует Новое, да здравствует немецкая Республика!» Сторонник курса Эберта и Носке. Обер-бургомистр Касселя. Во времена нацистской диктатуры эмигрировал. Умер в 1939 году в Копенгагене.

го разбираться в длинных периодах, полных оскорблений и совершенно непонятных упреков, и, наконец, по промелькнувшим в конце словам «предатели», «убийцы рабочих» или «бессовестные демагоги» понять, кто имеется в виду: Эберт и Шейдеман или Либкнехт и Эйхгорн²³. Мы чуть ли не ежедневно видели демонстрации. У демонстрантов было тогда обыкновение орать в ответ на какой-нибудь выкрикнутый лозунг «Hoch» («Ура») или «Nieder» («Долой»). Издалека доносился только многоголосый хор, орущий «Hoch» или «Nieder», – сольные партии, выкрикивающие лозунги, были не слышны, так что чаще всего было совершенно непонятно, кого демонстранты славят, а кого проклинаяют.

Эти демонстрации продолжались около полугода: потом пошли на спад, так как давно уже сделались бессмысленными. Ведь судьба революции была решена еще 24 декаб-

²³ Эмиль Эйхгорн (1863–1925) – немецкий социал-демократ, с 1919 года – коммунист. По профессии электромонтер. Активный участник подпольного социалистического движения в годы бисмарковского «исключительного закона» против социалистов. Журналист. Депутат рейхстага. В 1908–1917 годах возглавлял социал-демократическое пресс-бюро. 9 ноября 1918 года назначен полицией-президентом Берлина. С ноября по август 1918 года руководитель берлинского представительства советского телеграфного агентства РОСТА в Берлине. Отстранение Эйхгорна от должности полицией-президента 4 января 1919 вызвало протест берлинских рабочих, влившийся в январские бои 1919-го. Был депутатом Веймарского учредительного собрания (1919), неоднократно избирался в рейхстаг. Поскольку приказ об аресте Эйхгорна 1919 года никто не отменял, то во времена очередных выборов в рейхстаг, когда кончался срок его депутатской неприкосновенности, Эйхгорн уходил в подполье.

ря 1918 года²⁴ (естественно, тогда я этого не понимал) – в этот день рабочие и матросы после победоносных уличных боев перед Берлинским дворцом спокойно разошлись по домам праздновать Рождество. После праздников они, конечно, снова вышли на тропу войны, но за это время правительство успело ввести в Берлин фрайкор. Четырнадцать дней подряд в Берлине не выходило ни одной газеты, раздавались выстрелы то поблизости от нашего дома, то вдалеке – и множились слухи. Потом вновь начали выходить газеты, правительство победило, а несколько дней спустя было опубликовано сообщение: Карл Либкнехт и Роза Люксембург застрелены при попытке к бегству. Насколько мне известно, именно тогда родилась эта формулировка, ставшая затем нормой, когда речь шла об обращении с политическими противниками восточнее Рейна. Но тогда к подобным эвфемизмам еще не привыкли, это выражение воспринимали буквально и сообщениям верили: цивилизованные времена!

Итак, судьба революции была решена, но покоя и мира это не принесло – напротив! В марте начались кровопролитнейшие уличные бои в Берлине²⁵ (в Мюнхене – в апреле)²⁶, хотя

²⁴ В ночь с 23 на 24 декабря 1918 года правительственные войска сделали попытку вытеснить народную морскую дивизию из Королевских конюшен. Матросы и вооруженные рабочие отбили это нападение. Полицай-президент Берлина Эйхгорн был обвинен в попустительстве экстремистским элементам и отправлен в отставку. В ответ поднялось рабочее спартаковское восстание, подавленное фрайкором под руководством Носке.

²⁵ 3 марта 1919 года Берлинский совет рабочих и солдатских депутатов при-

речь-то теперь шла не о революции, а о погребении ее трупа. В Берлине уличные бои разразились, когда формально и, можно сказать, в два счета указом Носке была распущена народная морская дивизия²⁷, первый боевой отряд револю-

нял решение о всеобщей забастовке. Были выдвинуты требования: признание власти Советов, уже образованных в нескольких городах Германии, освобождение всех политических заключенных, роспуск фрайкора, арест офицеров, убийц Розы Люксембург и Карла Либкнехта, установление дипотношений с Советской Россией. В тот же день Густав Носке ввел в Берлине военное положение. Начались уличные бои. 5 марта Берлин был перекрыт баррикадами. К 10 марта восстание было подавлено. Во время мартовских боев в Берлине погибло более 1200 рабочих.

²⁶ 7 апреля 1919 года в Баварии была провозглашена Советская республика. Во главе ее был поэт, писатель и драматург Эрнст Толлер. 13 апреля 1919 года правительство Эрнста Толлера было арестовано сторонниками Эберта и Шейдемана. В ответ началось коммунистическое восстание. Во главе его стоял бывший эсер Евгений Левине, в те времена баварский коммунист. Советская власть в Баварии была восстановлена. Был введен рабочий контроль на предприятиях, начата национализация банков, конфискованы запасы продовольствия для распределения среди беднейших слоев населения, созданы Чрезвычайная комиссия для борьбы с контрреволюцией, Красная армия и Красная гвардия. Носке двинул к Мюнхену шестидесятитысячную армию. 5 мая Мюнхен был взят. Евгений Левине был расстрелян по приговору военно-полевого суда. Слова из его последнего слова на суде стали широко известны: «Все мы, коммунисты, в отпуске у смерти. Мой отпуск кончается, я готов отправиться к Розе Люксембург и Карлу Либкнехту».

²⁷ История с народной морской дивизией была куда запутаннее, чем та, что отложилась в памяти у Хафнера. Созданная 11 ноября 1918 года дивизия революционных матросов, занимала с начала революции Королевские конюшни. Как и в русской революции 1917 года, немецкие матросы составляли весьма своеобразный революционный авангард. Они ощущали себя самостоятельной силой. Выбирали, к кому примкнуть, кого поддержать, когда держать нейтралитет. В декабре 1918 года дивизии было предписано покинуть Королевские конюшни. Моряки отказались выполнить этот приказ. Результатом были рождественские

ции: дивизия не собиралась «распускаться», дивизия защищалась, к ней примкнули рабочие северо-восточных предместий Берлина, и восемь дней подряд «введенные в заблуждение народные массы» вели отчаянный, безнадежный, но тем более яростный бой. «Народные массы» не могли понять, почему их собственное революционное правительство вновь бросило против них врагов революции. Исход боев был предрешен, месть победителей была ужасна. Любопытно то, что тогда, весной 1919 года, левая революция совершенно безрезультатно пыталась обрести хоть какую-то форму, между тем как будущая правая нацистская революция, пока еще без своего вождя, Гитлера, уже предстала перед Германией сильной и готовой к расправам. Добровольческие корпуса, спасшие Эберта и Носке, были прообразом нацистских штурмовых отрядов вплоть до личного состава, а уж тем более в том, что касалось взглядов, образа действия и боевого стиля. Именно «добровольцы» изобрели убийства «при попытке к бегству», далеко продвинулись в пыточной науке, нашли отличный способ борьбы с незначительными политическими противниками: без лишних слов – к стенке.

бои в центре Берлина. Моряки отстояли свои казармы и были включены в состав правительственных войск. Во время январских боев в Берлине, когда было подавлено восстание под руководством «Союза Спартака», народная морская дивизия держала нейтралитет. 8 марта 1919 года дивизия была направлена к полицейско-президиуму с тем, чтобы заменить находящиеся там правительственные войска. Правительственные войска, приняв матросов за штурмующих здание повстанцев, открыла по ним огонь. Дивизия примкнула к восставшим. Была ликвидирована в ходе мартовских боев войсками Густава Носке.

(Правда, 30 июня 1934 года эти достижения были применены к самим первопроходцам²⁸.) В 1919-м их практике недоставало теории. Теорию им предоставил Гитлер.

²⁸ Имеется в виду «Ночь длинных ножей» – уничтожение частями SS и вермахта руководства штурмовых отрядов и части штурмовиков в ночь с 1 на 2 июля 1934 года, санкционированное Гитлером. Штурмовые отряды, военизированные части нацистской партии, зараженные социальной и национальной демагогией, привыкшие к абсолютной безнаказанности, к тому же преданные своему вождю Эрнсту Рёму, представляли опасность для личной власти Гитлера. По таковой причине они и были уничтожены превентивным ударом. Под шумок расправы с экстремистами (своими) гитлеровцами были уничтожены многие политики и общественные деятели Веймарской республики, никакого отношения к штурмовикам не имевшие.

Подумав, я вынужден признать, что и гитлерюгенд²⁹ тогда был почти сформирован. К примеру, в нашем классе мы создали спортивный клуб под названием «Rennbund Altpreußen» («Беговой союз Старая Пруссия»). Его девизом стало: Анти-Спартак, спорт, политика! Политика заключалась в том, что мы подкарауливали несчастных одноклассников, имевших смелость не скрывать своей симпатии к революции, и жестоко их избивали. В остальном, главным нашим занятием был спорт: состязания на школьном дворе, в парках. При этом мы чувствовали, что действуем чрезвычайно «антиспартаковски». Считая себя патриотами, мы носились наперегонки во имя Родины. Что это, как не будущий гитлерюгенд? Конечно, нам не доставало нескольких черт и особенностей, которые позже были привнесены Гитлером, – к примеру, антисемитизма. С той же антиспартаковской и пат-

²⁹ Гитлерюгенд – молодежная нацистская организация. Создана в 1926 году. Принимались только юноши с 14 до 18 лет. Гитлерюгенд внес весомый вклад в эскалацию насилия на улицах немецких городов. Организация нападений на кинотеатры, где демонстрировался американский фильм по антивоенному роману Ремарка «На Западном фронте без перемен», привела к тому, что кинотеатры прекратили показ этого фильма. С гитлерюгендом пытались бороться запретительными мерами. В 1930 году Густав Носке, тогда бургомистр Ганновера, запретил школьникам вступать в гитлерюгенд. Вступали те, кто не учился в школе. Во время съездов нацистской партии проводился День гитлерюгенда. Организация запрещена после 1945 года.

риотической резвостью вместе с нами соревновались в беге и наши еврейские однокашники; один еврейский подросток был даже нашим лучшим бегуном. И я могу поклясться, что они ничего не делали для того, чтобы подорвать национальное единство Германии.

Во время мартовских боев 1919 года нормальная деятельность нашего «Бегового союза Старая Пруссия» была прервана, поскольку спортивные площадки превратились в поля сражений. Квартал сделался эпицентром уличных боев. Наша гимназия стала штаб-квартирой правительственных войск, а расположенная рядом народная школа – как символично! – опорным пунктом «красных», так что ожесточенные бои за эти здания шли чуть ли не каждый день. Наш директор, оставшийся в своем кабинете, был застрелен, фасад гимназии был весь изрешечен пулями, а под моей партой долго не могли отмыть огромное кровавое пятно. У нас получились внеочередные каникулы, они продолжались неделю за неделей, и за это время мы получили свое, если так можно выразиться, боевое крещение: едва лишь нам удавалось выскользнуть из дома, мы тотчас бросались разыскивать места боев, чтобы увидеть хоть что-нибудь.

Многого увидеть мы не могли: даже уличные бои воочию демонстрировали «пустоту современного поля боя». Но тем больше мы слышали: мы стали совершенно равнодушны к пулеметным залпам, разрывам гранат или даже грохоту полевой артиллерии. Нам делалось несколько не по себе, толь-

ко когда начинали ухаты тяжелая артиллерия или минометы.

Для нас это было спортом – пробраться на забаррикадированную улицу, прокрасться через проходные дворы, парадные и подвалы и внезапно появиться позади баррикад далеко за щитами с грозной надписью: «Стой! Ни шагу! Будешь застрелен!» Никто в нас никогда не стрелял. Нам вообще никто ничего плохого не делал.

Посты охраны действовали не слишком строго, и обычная гражданская уличная жизнь часто перемешивалась с боевыми действиями самым нелепым, самым гротескным образом. Я вспоминаю прекрасное солнечное воскресенье, одно из первых теплых воскресений той весны, масса гуляющих по широкой аллее, все чрезвычайно мирно, никаких тебе выстрелов! И вдруг все бросаются врассыпную, забиваются в подъезды, парадные, во дворы, по аллее грохочут броневики, раздаются залпы, неподалеку бьет пулемет... Пять минут спустя ад был позади – броневики промчались вперед и скрылись из виду, пулеметные очереди затихли. Мы, мальчишки, первыми рискнули высунуть нос из подворотен. Странная картина предстала нам: вся аллея была будто выметена от людей, у каждого дома лежали груды битого стекла – окна не выдержали силы близких взрывов. Затем из подворотен, дворов и парадных стали появляться, словно ничего особенного не произошло, первые смельчаки, спустя минуты две улица приобрела свой обычный воскресный весенний вид.

Все происходящее было странно нереальным. Никто не

давал объяснений по поводу отдельных происшествий. Вот и я так и не узнал, что была за стрельба в центре города в то воскресенье. Газеты об этой стрельбе ничего не писали. Из тех же газет мы узнали, что в то воскресенье, как раз когда мы прогуливались под голубым весенним небом, в нескольких километрах от нас в предместье Лихтенберг³⁰ были согнаны захваченные в плен рабочие (несколько сотен? или даже тысяч? – цифры колебались) и расстреляны из пулеметов. Это нас ужаснуло. Это было куда ближе и реальнее, чем все, что несколькими годами ранее происходило в далекой Франции.

Но поскольку вслед за этим ровным счетом ничего не последовало, поскольку никто из нас не знал ни одного из расстрелянных, поскольку на следующий день газеты сообщали уже о чем-то другом, ужас был забыт. Жизнь вернулась в свою колею. Началось прекрасное лето. Вновь открылась гимназия. И даже «Беговой союз Старая Пруссия» продолжил свою полезную патриотическую деятельность.

³⁰ Лихтенберг с 1230 по 1908 год – пригородная деревня недалеко от Берлина, с 1908 года – город. В 1920 году Лихтенберг был включен в черту города Берлина. О расстрелах в Лихтенберге в 1919 году не пишет даже сам Хафнер в своем позднем труде «Ноябрьская революция». Возможно, это был, как принято теперь говорить, «фейк».

Странным образом республика устояла. Приходится говорить «странным образом», ибо с весны 1919 года защита республики находилась в руках ее врагов; все революционные организации были разбиты, их руководители убиты, боевые отряды уничтожены, оружие было только у фрайкора, – а их бойцы уже были настоящими нацистами, которые разве что не назывались так. Почему они не свергли своих слабых хозяев и уже тогда не установили в Германии третий рейх? Это было бы совсем не трудно.

Да, почему же они этого не сделали? Почему не оправдали надежд, которые на них возлагали многие, а не только наш «Беговой союз Старая Пруссия»?

Вероятно, по тем же иррациональным причинам, по которым чуть позже рейхсвер не оправдал надежд куда большего числа людей. В первые годы третьего рейха в воздухе витали мысли и надежды: в один прекрасный день военные положат конец гитлеровской дискредитации идеалов и целей рейхсвера. Увы, военным в Германии недостает гражданского мужества.

Гражданское мужество, то есть способность принять собственное решение и нести за него ответственность, – добродетель в Германии весьма редкая, как отметил Бисмарк в одном из известных своих высказываний. Но эта добродетель

и вовсе покидает немца, стоит ему надеть военную форму. Немецкий солдат и немецкий офицер беспримерно храбрые на поле боя, почти всегда готовые, выполняя приказ начальства, открыть огонь по гражданским своим соотечественникам, становятся трусливыми, как зайцы, если им нужно слушаться начальства. Мысль о каком бы то ни было возмущении начальству повергает их в ужас: перед глазами у них сразу же возникает картина позорного расстрела, это лишает их последних моральных сил. Они боятся не смерти, но совершенно определенного рода смерти – и боятся... смертельно. Это обстоятельство делает любую попытку неповиновения, а тем более мятежа военных в Германии совершенно невозможной – пусть страной правит кто хочет.

Единственный контраргумент при ближайшем рассмотрении оказывается аргументом в пользу этого утверждения: Капповский путч в марте 1920 года³¹, попытка государственного переворота, предпринятая несколькими антиреспубликански настроенными аутсайдерами. Несмотря на то, что одна часть республиканского военного руководства была на их стороне целиком и полностью, а другая была настроена скорее сочувственно, чем враждебно; несмотря на то, что республиканская администрация тотчас же проявила сла-

³¹ Капповский путч 13–17 марта 1920 года – попытка националистического переворота в Германии. Вольфганг Капп (1858–1922), банкир и политик из Восточной Пруссии, был номинальным лидером мятежа. Фактическими руководителями были генерал Вальтер фон Лютвиц и фельдмаршал Эрих Людендорф. Историю мятежа Хафнер излагает достаточно точно.

бость и не отважилась на сколько-нибудь серьезное сопротивление; несмотря на то, что в мятеже приняли участие люди с таким военно-пропагандистским опытом, как Людендорф³²; несмотря на все это, к мятежникам присоединилось

³² Эрих Фридрих Вильгельм Людендорф (1865–1937) – немецкий военный и политический деятель. Создатель концепции «тотальной войны», которую он изложил в своей последней одноименной книге. Концепция представляет собой антитезис к известному тезису прусского короля и полководца Фридриха II: «Война должна вестись так, чтобы гражданское население воюющих стран не знало, что идет война». Согласно Людендорфу гражданское население не только прекрасно знает о том, что идет война, но всё, от мала до велика, в войне участвует. В полном соответствии с этой концепцией Людендорф действовал во время Первой мировой войны. Поддерживал экстремистов в странах, противостоявших Германии. Он был одним из тех в германских политических и военных кругах, кто настаивал на активной поддержке Ирландского восстания 1916 года. Он был одним из тех, кто добился согласия на пропуск через Германию пломбированного вагона, в котором ехали Ленин и другие социалисты-пораженцы. Он был одним из тех, кто добился безжалостной подводной войны, в результате которой топились вообще все суда, идущие в Англию и Францию, что послужило весомым доводом для США вступить в войну на европейском континенте. Людендорф родился в деревне Крушевня недалеко от Познани. Великолепно учился в кадетском корпусе. В восемнадцать лет получил первое офицерское звание. В 1904–1913 годах работал в германском генштабе. Был одним из активных разработчиков плана Шлиффена, плана вторжения во Францию через нейтральную Бельгию. В августе 1914 года руководил удачным штурмом Льежа. В связи с наступлением русских войск в Восточной Пруссии был переведен на Восточный фронт. Вместе с Паулем фон Гинденбургом разбил русские войска под Танненбергом. В 1918 году Людендорф – главнокомандующий германской армией. Им был разработан план весеннего наступления на Западном фронте после того, как был подписан Брестский мир с Россией и русская армия вышла из войны. Весеннее наступление закончилось катастрофой для германской армии. Людендорф подал в отставку 26 октября 1918 года. Эмигрировал в Швецию. В Швеции Людендорф издал несколько книг, в которых обвинял в поражении Германии социал-демокра-

одно-единственное военное соединение – бригада Эрхарда³³. Прочие добровольческие корпуса оставались «верны прави-

тов, евреев и масонов. Он был одним из пропагандистов теории «удара кинжалом в спину». В 1920 году вернулся в Германию. Первой его попыткой возвратиться в политику был провалившийся Капповский путч. Затем была встреча с Гитлером, дружба и поддержка «гениального политика», организация «Пивного путча» 1923 года в Мюнхене. После провала путча Людендорф разочаровался в Гитлере и отошел от политики.

³³ Бригада Эрхарда, точнее, морская бригада Эрхарда – одно из белых, монархических, националистических военных добровольческих соединений Германии времен Ноябрьской революции. Создана 17 февраля 1919 года немецким морским офицером Германом Эрхардом (1881–1971). Состав – офицеры, сначала флота, потом всех родов войск. Сам Эрхард получил боевое крещение в 1904 году, когда участвовал в жестоком подавлении восстания племени гереро в Западной Африке. Во время первой мировой командовал отрядом торпедных катеров. Его бригада принимала участие в разгроме Баварской советской республики, в подавлении восстания поляков в верхней Силезии. После образования независимых прибалтийских государств в бригаду Эрхарда влились части добровольческих немецких военных соединений, воевавших в Прибалтике за создание немецкого Балтийского герцогства. После неудачи Капповского путча бригада Эрхарда была распущена. 30 марта 1919 года Эрхард принял ее последний парад. После чего отправился в Мюнхен, где создал террористическую организацию «Консул», занимавшуюся убийствами левых политиков и общественных деятелей. В конце 1922 года Эрхард был арестован. Бежал. В 1923 году все же попал в тюрьму. Из тюрьмы руководил созданием второй своей террористической организацией «Викинг». В июле 1923 бежал в Швейцарию. В сентябре вернулся в Мюнхен. Не только не поддержал «Пивной путч», но отдал приказ своим «викингам» выступить на стороне правительства. В апреле 1924 года бежал в Австрию. Вернулся после амнистии в 1926 году. Был близок к штурмовикам Эрнста Рёма, а также к идеологу левого национал-социализма Отто Штрассеру (1897–1974). В «Ночь длинных ножей» должен был быть убит, но вовремя скрылся. С 1936 года жил в Австрии, в имении своей жены, принцессы Маргариты Виктории цу Гогенлоэ-Оринген. Австрийское гражданство получил в 1948 году.

тельству» – и, разумеется, позаботились о том, чтобы и эта провалившаяся попытка правого путча завершилась усмирением левых.

Это мрачная история, зато короткая. Когда однажды утром в субботу бригада Эрхарда промаршировала через Бранденбургские ворота, правительство сбежало из Берлина в безопасное место, не забыв, впрочем, призвать рабочих к всеобщей забастовке.

Фюрер путча, чиновник Министерства финансов, Вольфганг Капп, провозгласил создание национальной республики под черно-бело-красным флагом, но рабочие забастовали, армия осталась «верна правительству», новая администрация так и не смогла приступить к работе, и пять дней спустя Капп подал в отставку.

Правительство вернулось и призвало рабочих прекратить забастовку. Но те потребовали свою долю в победе: вслед за Каппом должны были уйти в отставку окончательно скомпрометировавшие себя министры, прежде всего пресловутый Носке, – в ответ на это требование правительство бросило против рабочих войска; и те вновь принялись за свою кровавую работу. На западе Германии дело дошло до настоящих боев³⁴.

³⁴ Речь идет о Рурском восстании 13 марта – 12 апреля 1920 года. 13 марта в Руре прошли многотысячные рабочие демонстрации. Завершились они призывом социал-демократов и коммунистов к установлению диктатуры пролетариата. В некоторых городах Рурской области были захвачены административные здания и образованы Советы рабочих и солдатских депутатов. Была создана Рур-

Годы спустя я слышал рассказ о тогдашней расправе от одного бывшего «добровольца». Не без некоторого добродушного сочувствия говорил он о жертвах, которые сотнями пали на поле боя или были «застрелены при попытке к бегству». «Это был цвет рабочей молодежи, – молвил он задумчиво и меланхолично; очевидно, такова была формула, под знаком которой события отпечатались в его мозгу. – Это был цвет рабочей молодежи, – повторил он, – прекрасные, храбрые парни, не то что в Мюнхене в девятнадцатом: там были славяне, евреи и уличная шантрапа. К ним я не испытывал ни капли сочувствия. Но в двадцатом, в Руре, это был действительно цвет рабочей молодежи. Многих из них мне очень, очень жалко. Но они же уперлись, они не оставили нам выбора, мы просто вынуждены были их расстрелять. Мы хотели дать им шанс. На допросах им говорили: „Ладно, вас ведь обманули, ввели в заблуждение, правда?“ Тогда они орали: „Нет! Мы сами пошли! Долой предателей народа и

ская Красная армия, состоявшая в основном из фронтовиков. 15 марта начались первые столкновения с правительственными войсками и фрайкором. 17 марта Красной армией Рура был взят Дортмунд. 20 марта 1920 года советская власть была установлена в Эссене. 24 марта 1920 года начался штурм цитадели Весселя. Правительство пыталось вести переговоры с рабочими в Билефельде, но переговоры были сорваны генералами рейхсвера и командирами добровольческих частей. 30 марта Рурская Красная армия вошла в Дюссельдорф и Эльберфельд. В эти же дни в Рурскую область стали стягиваться регулярные войска и фрайкор. 1 апреля Красная армия была разгромлена в сражении под Пелкумом. 6 апреля правительственные войска вошли в Дортмунд. Последовали массовые расстрелы рабочих. Расстреливали без суда. 15 апреля Рурское восстание было подавлено.

убийц пролетариата!“ Ну, тут уж ничего не поделаешь. Так что расстреливали. Пачками, дюжинами. Вечером наш полковник сказал нам, мол, так тяжело на сердце у него никогда не было. Да, это был цвет рабочей молодежи, те, что пали тогда в Рурской области в 1920-м».

Когда происходили все эти события, я ничего о них не знал. Это же было далеко в Рурской области; в Берлине все было куда менее драматично, бескровно, можно сказать, буднично-цивильно. После яростной стрельбы 1919 года март 1920-го был тих и зловещ. И то, что ровно ничего не происходило, а просто вся жизнь замерла, остановилась, как раз и было особенно зловещим. Странная революция. Расскажу о ней.

Это случилось в субботу. В полдень в булочной я услышал: «Ну, теперь вернется император!» После полудня в школе – тогда мы часто занимались во вторую смену, половина здания была закрыта, из-за нехватки угля было невозможно протопить все помещение, школа работала в две смены – так вот, после полудня в школе были отменены все занятия, и мы играли на школьном дворе в «красных и патриотов», причем сложность заключалась в том, что никто не хотел быть «красным». Мы радовались жизни, хотя кое-что в ней показалось нам в тот день невероятным; все случилось так внезапно, что никто не запомнил деталей и подробностей происшедшего.

Впрочем, и потом никто не узнал деталей и подробностей.

Вечером не вышло ни одной газеты, погасло электричество. На следующее утро выяснилось, что отключили водопровод. Прекратила работу почта. Остановился транспорт. Закрылись все лавки и магазины. Словом, остановилось, закрылось, перестало работать все.

В нашем районе на перекрестках стояли старые колонки, не связанные с водопроводом. Колонки переживали теперь свой звездный час: к ним выстраивались километровые очереди. Люди с кувшинами и ведрами запасались здесь водой; несколько крепких молодых парней качали воду. Потом мы осторожно шли по улице с полными ведрами, стараясь не пролить ни капли драгоценной влаги.

Кроме этого, как уже было сказано, не произошло ровным счетом ничего. В каком-то смысле произошло меньше, чем ничего: а именно не случилось даже того, что, как правило, случалось в революционные дни. Ни стрельбы, ни демонстраций, ни митингов, ни уличных дискуссий. Ни-че-го.

В понедельник опять открылась школа. Там все еще царил радостное удовлетворение, соединенное, конечно, с некоторым недоумением: уж очень странно и нелепо было все происходящее. Наш учитель физкультуры, очень «национально» настроенный (вообще все наши учителя были очень «национальны», но никто из них не был более «национален», чем физкультурник), – так вот, физкультурник принялся с жаром втолковывать нам: «Теперь-то вы почувствовали, что на штурвал государственного корабля легла совсем другая

рука». По правде говоря, никто из нас ничего подобного не заметил, и даже физкультурник твердил это все с таким жаром, лишь бы не расстраиваться, ведь он и сам ничего не заметил.

Из школы мы двинулись на Унтер ден Линден, потому что смутно чувствовали: в такие великие, патриотические дни надо быть на Унтер ден Линден. Кроме того, мы надеялись хоть что-то увидеть, хоть что-то узнать на главной улице города. Но на Унтер ден Линден узнавать было нечего и смотреть было не на что. У совершенно напрасно приведенных в боевую готовность, расчехленных пулеметов, скучая, стояли несколько солдат. Никто и не собирался на них нападать. Все было чрезвычайно мирно, воскресно, празднично. Так воевала всеобщая стачка.

В следующие дни сделалось просто скучно. Очереди за водой у колонки, которые поначалу имели прелесть новизны, очень скоро сделались таким же тоскливым неудобством, как неработающие сортиры, отсутствие новостей, писем, нехватка еды, ежевечерняя непроглядная, крошечная тьма, в общем, вечное воскресенье, сверхвоскресенье. Томительная скука, и ничто от нее не избавляло – не происходило ничего национально-возбуждающего, никаких военных парадов, митингов, не слышно было речей, обращений «К моему народу», ничего, ну совершенно ничего. (Эх, если бы тогда было радио!) Один-единственный раз на стенах появились листовки «Интервенции не будет!». И этого, значит,

не будет...

И вдруг, как гром среди ясного неба, новость: Капп подал в отставку. Точнее ничего нельзя было узнать, но на следующий день началась стрельба, так что стало понятно: старое доброе правительство вернулось. Кое-где заурчали, засветили водопроводные трубы. Вновь открылась школа; учителя выглядели слегка пристыженными. Потом даже стали выходить газеты.

После Капповского путча у нас, мальчишек, стал угасать интерес к текущей политике. Все политические направления опозорились одинаково, так что эта область потеряла всякую привлекательность. «Беговой союз Старая Пруссия» самораспустился. У многих из нас появились новые интересы: филателия, фортепиано или театр. Лишь некоторые остались верны политике, и с самого начала я обратил внимание на любопытное обстоятельство: это были тупые, грубые и несимпатичные ребята. Теперь они вступили в настоящие политические организации, к примеру в Немецкий национальный союз молодежи или в Бисмарк-бунд³⁵ (гитлерю-

³⁵ Бисмарк-бунд (Bismarckbund) – молодежная организация крайне правой Немецкой национальной народной партии (НННП), позднее влившейся в нацистскую партию, руководитель НННП Вильгельм Кубе стал довольно крупным чином в НСДАП, последняя должность – гауляйтер Белоруссии. Убит белорусскими партизанами в 1943 году в Минске. Любопытно, что членом Бисмарк-бунда в 1922 году стал тогдашний одноклассник Себастьяна Хафнера, Хорст Вессель (1907–1930), будущий штурмовик, убитый в стычке с ротфронтовцами, автор «Песни Хорста Весселя», написанной на мотив старого военно-морского марша, которая стала гимном НСДАП. В 1924 году Хорст Вессель стал еще и членом

генда тогда еще не было), очень скоро они стали приносить в школу кастеты, резиновые дубинки, кистени и хвастаться ночными опасными приключениями, связанными с наклеиванием или со срыванием плакатов. Они начали говорить на особом жаргоне, чтобы выделяться среди одноклассников. Кроме того, они стали вовсе не по-товарищески обращаться с евреями, учившимися вместе с нами.

Вскоре после Капповского путча я увидел, как один из них во время очень скучного урока чертил в своей тетради одну и ту же весьма странную фигуру: ломаные линии, которые удивительным, даже гармоничным образом соединялись в симметричный орнамент-квадрат. Мне захотелось повторить рисунок. «Что это?» – спросил я тихонько, поскольку дело происходило на уроке, пусть и скучном. «Знак антисемитов, – прошептал он в телеграфном стиле. – Солдаты Эрхарда носили на касках. Значит: евреи – вон! Нужно знать». И он продолжил свои графические экзерсисы³⁶

созданной Эрхардом террористической организации «Викинг».

³⁶ На касках у добровольцев бригады Эрхарда действительно была свастика. Так что малюющий на уроках свастику отрок, возможно, и есть Хорст Вессель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.